

УДК 784.071.2 Коэн Л.
ББК 85.314(3)-8 Коэн Л.
С37

Sylvie Simmons
I'm Your Man: The Life of Leonard Cohen

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sarah Lazin Books и Prava I Prevodi International Literary Agency.

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная фотоагентством «Галло Имиджес РУС / Getty Images Entertainment»
(Photo of Leonard Cohen by Michael Ochs)

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована
в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование,
магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации,
без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Перевод с английского *Бессонова Андрея Борисовича*

Симмонс, Сильвия.

С37 Леонард Коэн: Жизнь / Сильвия Симмонс : [пер. с англ. Бессонова А.Б.] — Москва: Издательство АСТ : Кладезь, 2019. — 512 с: ил. — (MUSIC LEGENDS & IDOLS).

ISBN 978-5-17-109726-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-0-06-199498-2 (англ.)

«Леонард Коэн: жизнь» — обстоятельный рассказ о необыкновенной жизни одного из самых значительных и влиятельных артистов нашей эпохи. Известная музыкальная журналистка Сильвия Симмонс прослеживает путь Коэна из Монреаля, где он родился, в Лондон, на греческий остров Гидру и далее — в Нью-Йорк шестидесятых, где он начал свою музыкальную карьеру. Она исследует траекторию блестящего творческого пути Коэна, включая его уход в монастырь в середине девяностых и триумфальное возвращение к концертной деятельности пятнадцать лет спустя. Куда бы ни заносила Коэна судьба — в переулки Мумбаи, в бесчисленные гостиничные номера, — Симмонс с неизменной тщательностью исследует все детали, все противоречия жизни Коэна и превосходно описывает творчество, душу, глубину и талант художника и человека, который и сегодня трогает людей, как никто другой.

УДК 784.071.2 Коэн Л.
ББК 85.314(3)-8 Коэн Л.

ISBN 978-5-17-109726-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-0-06-199498-2 (англ.)

© 2012 by Sylvie Simmons
© ООО «Издательство АСТ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
1. Рождённый в костюме	6
2. Женский дом	17
3. Двадцать тысяч куплетов	31
4. Я стал кричать	48
5. Человек с золотым языком	67
6. Довольно павших героев	84
7. Пожалуйста, разыщи меня, мне почти 30	102
8. Побриться без спешки	126
9. Как покорять женские сердца	145
10. Пыль долгой бессонной ночи	167
11. Дао ковбоя	184
12. О, сделай мне маску	207
13. Вены как сетка дорог.	228

4 СОДЕРЖАНИЕ

14. Щит от врага.	248
15. Леонард, я тебя люблю.	273
16. Священная беседа	290
17. Аллилуйя оргазма.	308
18. Места, где я когда-то играл	328
19. Пророк Иеремия в Tin Pan Alley	346
20. С этого рассыпавшегося холма.	368
21. Любовь и кража	393
22. Налоги, дети, потерянные любовницы	411
23. Будущее рок-н-ролла.	432
24. Вот я — тот, кто тебе нужен.	446
25. Инструкция по жизни с поражением	465
Примечания	480
Эпилог	504
От автора	507

Пролог

Он учтив, элегантен, по-старомодному вежлив. Он кланяется тебе при встрече, встаёт, когда ты уходишь, заботится о твоём удобстве, а сам на неудобство не жалуется; его чувства выдают только греческие чётки-комболои, которые он перебирает в кармане. Если требуется откровенность, он, по натуре человек сдержанный и застенчивый, принимает вызов с достоинством и юмором. Он осторожно выбирает слова, как поэт или политик: с привычкой к точности, с хорошим слухом на их звучание, с талантом и вкусом к уклончивости и таинственности. Он всегда умел наводить тень на плетень. При этом, когда он говорит (и когда поёт — тоже), в его тоне есть что-то заговорщицкое, как будто он сообщает тебе сокровенную тайну.

У него стройная фигура — ничего лишнего, — и он ниже ростом, чем можно было бы подумать. Он опрятен и подтянут. Ему, наверное, не составило бы труда носить форму. Сейчас на нём костюм — тёмный, в тонкую полоску, с двубортным пиджаком. Даже если он не сшит на заказ, а куплен в магазине, на вид этого не скажешь.

— Душа моя, — говорит Леонард, — я родился в костюме [1].

Рождённый в костюме

Когда я с тобой
я хочу быть героем
каким я хотел быть
когда мне было семь лет от роду
идеальным человеком
который убивает

Почему я пишу (Избранные стихотворения 1958—1968)

У занимающей почти целый квартал синагоги водитель сворачивает с главной улицы и, миновав церковь Апостола Матфия на противоположном углу, начинает подниматься на холм. На заднем сиденье машины женщина — двадцати семи лет, привлекательная, с крупными чертами лица, элегантно одетая — и её новорождённый сын. Они едут по красивым, ухоженным улицам, украшенным продуманно и аккуратно посаженными деревьями. Большие каменные и кирпичные дома, кажется, вот-вот обрушатся под весом собственной солидности, но нет: они взмывают вверх по крутому склону, словно парят над землёй. Поднявшись до середины холма, водитель поворачивает в переулок и останавливается перед последним домом: Бельмонт-авеню, 599. Дом большой, массивный, строгий, в английском стиле; суровость его тёмного кирпича спереди смягчает белая ограда веранды, а сзади — парк Мюррей-Хилл, четырнадцать акров лужаек, деревьев и цветов, из которого открывается обширный вид: с одной стороны на реку Святого Лаврентия, с другой — на центр Монреаля. Водитель выходит из машины, открывает заднюю дверь, и Леонард по белым ступенькам вносят в родной дом.

Леонард Норман Коэн родился 21 сентября 1934 года в Госпитале королевы Виктории, огромном сером каменном здании в Уэстмаун-

те — богатом районе Монреаля. Согласно больничным записям это произошло в 6:45 утра, в пятницу. С точки зрения истории — аккурат между Великой депрессией и Второй мировой войной. Можно подсчитать, что Леонарда зачали между Ханукой и Рождеством — холодной, субарктической зимой, на которые никогда не скупился его родной город. Детство его прошло в доме костюмов.

Нейтан Коэн, отец Леонарда, был состоятельным канадским евреем и владел компанией «Фридмен», производившей и продававшей дорогую одежду. Фирма особенно славилась парадными костюмами, и сам Нейтан любил одеваться по всей форме, даже если обстоятельства этого не требовали. В костюмах, как и в архитектуре, он любил строгий английский стиль, носил гамаши, для красоты — бутоньерку. Позже, из-за болезни, обзавёлся тростью с серебряным набалдашником. Мать Леонарда, Маша Коэн, была на шестнадцать лет моложе мужа. Она была дочерью раввина из Российской империи и только недавно иммигрировала в Канаду. Вскоре после своего приезда в Монреаль в 1927 году она вышла замуж за Нейтана. Через два года родился их первый ребёнок — дочь Эстер.

На старых фотографиях с Машей Нейтан — коренастый мужчина с квадратным лицом и квадратными плечами. Маша стройнее и выше его на голову, она вся состоит из округлых, плавных линий. В выражении её лица есть что-то девичье и одновременно королевское, а Нейтан — застывший и замкнутый. Конечно, в то время глава семьи именно так и должен был выглядеть на фотографиях, но Нейтан в любом случае был более сдержанным человеком, более англичанином, чем его жена из России — сердечная и эмоциональная. Ребёнком Леонард — пухлый, коренастый, с квадратным лицом — был копией отца, но с возрастом он стал больше походить на Машу: вытянутое лицо, густые вьющиеся волосы, опущенные уголки тёмных, глубоких глаз. От отца он унаследовал рост, опрятность, хорошие манеры и любовь к костюмам. От матери — харизму, меланхолию и музыку. Занимаясь делами по дому, Маша всегда пела, чаще всего на русском и на идиш, а не по-английски; это были сентиментальные старые народные песни, которые она слышала в детстве. Она пела хорошим контральто, под аккомпанемент воображаемых скрипок, переходя от радости к печали и от печали к радости. Впоследствии Леонард назовёт мать «чеховской» женщиной [1]. «Она и смеялась, и плакала от души» [2], — рассказывал Леонард; эти чувства быстро сменяли друг

друга. Маша Коэн не была подвержена ностальгии, она мало говорила о стране, из которой уехала. Но она хранила прошлое в песнях.

Население Уэстмаунта состояло из богатых англоканадцев-протестантов и евреев — канадцев во втором или третьем поколении. В городе, где жители разного происхождения не перемешивались друг с другом, иудеи и протестанты оказались близкими соседями просто потому, что не были ни французами, ни католиками. До «тихой революции», начавшейся в 60-е годы, и до того, как французский стал единственным официальным языком Квебека, на французском в Уэстмаунте говорила только прислуга. У Коэнов была горничная Мэри — католичка ирландского происхождения, а также няня, которую Леонард и его сестра так и называли — няней, и чернокожий садовник по имени Керри, который к тому же выполнял обязанности шофёра. (У Керри был брат, выполнявший такую же работу в доме Хорэса, младшего брата Нейтана.) Привилегированное положение семьи Коэна — не секрет. Леонард никогда не скрывал, что родился в достатке, не отвергал своего воспитания, не отрекался от семьи, не менял имени и вообще не пытался выдать себя за кого-то, кем не являлся. Он рос в состоятельной семье, хотя в Уэстмаунте, разумеется, были семьи и побогаче: в отличие от особняков Верхнего Белмонта, большой дом Коэнов был двухквартирным, а их шофёр сидел за рулём «понтака», а не «кадиллака».

Тем не менее мало кто мог сравниться с Коэнами по именитости: это была одна из самых выдающихся еврейских семей в Монреале. Коэны были строителями синагог и основателями газет. Они организовывали и возглавляли многочисленные еврейские филантропические общества. Первым из предков Леонарда, ступившим на канадскую землю, был его прадед Лазарь Коэн. В 40-е годы XIX века, когда Лазарь появился на свет, его родная Литва была частью Российской империи. Он преподавал в иешиве в городе Волковышки (с 1917 года — Вилкавишкис), которая была одним из самых строгих учебных заведений для раввинов в стране. На третьем десятке Лазарь решил попытаться счастья в других странах, оставив дома жену и новорождённого сына. Он недолго пробыл в Шотландии, а затем сел на корабль до Канады и поселился в городке Мэберли в провинции Онтарио, где прошёл путь от заведующего складом лесоматериалов до владельца угольной компании «Л. Коэн и сын». Этим сыном был Лайон, отец Нейтана, который вместе с матерью присоединился к отцу спустя два года по-

сле его отъезда. В конце концов семья обосновалась в Монреале, где Лазарь возглавил меднолитейный завод и основал успешную фирму, занимавшуюся землечерпательными работами.

В 1860 году, когда Лазарь приехал в Канаду, евреев там было мало. В середине XIX века в Монреале их не было и пятисот человек. К середине 1880-х годов, когда Лазарь стал президентом Конгрегации Шаар Хашомаим, их насчитывалось уже более пяти тысяч. Погромы в России вызвали волну эмиграции, и к концу XIX века число евреев в Канаде удвоилось, а Монреаль стал еврейской столицей Канады, и фигура Лазаря с непокрытой головой и длинной, белой, библейской бородой была хорошо знакома всем в общине. Он не только построил синагогу, но и основал и возглавил несколько организаций для помощи настоящим и будущим еврейским иммигрантам и даже ездил представителем монреальского отделения Еврейского колонизационного общества в Палестину (где купил землю ещё в 1884 году). Младший брат Лазаря Цви Хирш Коэн, также вскоре приехавший в Канаду, стал впоследствии главным раввином Монреаля.

В 1914 году, когда президентом Шаар Хашомаим после своего отца стал Лайон Коэн, в Монреале уже жило около сорока тысяч евреев, и это была крупнейшая община в городе. В 1922 году синагога переехала в новое, более крупное здание в Уэстмаунте — длиной почти в целый квартал, в нескольких минутах ходьбы от дома на Бельмонт-авеню. Двенадцать лет спустя Нейтан и Маша внесли имя своего единственного сына в книгу регистрации актов о рождении корпорации английских, немецких и польских евреев Монреаля. Леонард получил своё еврейское имя — Элиезер, что значит «Бог есть его помощь».

Лайон Коэн пошёл по стопам отца: он был очень успешным бизнесменом, занимался одеждой и страхованием, а также вёл активную общественную деятельность — ещё не достигши двадцатилетнего возраста, стал секретарём Англо-еврейского общества. Впоследствии он основал еврейский культурный центр и санаторий, возглавлял проекты по оказанию помощи жертвам погромов. Лайон занимал видные посты в Обществе барона де Гирша, Еврейском колонизационном обществе и первой сионистской организации в Канаде. От имени своей общины он ездил в Ватикан на аудиенцию к Папе. Он был одним из основателей первой англо-еврейской газеты в Канаде, *Jewish Times*, и время от времени писал для неё статьи. В шестнадцать лет Лайон написал пьесу «Эстер», поставил по ней спектакль и сам сыграл в нём.

Леонард не знал деда — Лайон умер, когда его внуку было два года, — но между ними была связь, которая с годами только усилилась. Принципы Лайона, его трудовая этика и вера в «аристократию интеллекта» [3], как он всегда говорил, были в полном согласии с собственными взглядами Леонарда.

К тому же Лайон был убеждённым патриотом Канады. Когда началась Первая мировая война, он объявил набор добровольцев — призывал евреев Монреаля вступать в армию. Первыми записались два его сына, Нейтан и Хорэс (младший, Лоренс, был слишком юн). Лейтенант Нейтан Коэн, личный номер 3080887, стал одним из первых офицеров еврейской национальности в Канаде. Леонард любил смотреть на фотографии отца в форме. Но война подорвала здоровье Нейтана, его состояние периодически ухудшалось: возможно, именно поэтому он, хотя и был старшим сыном старшего сына, не стал в свою очередь президентом конгрегации и вообще сделал не так уж много для продолжения семейных традиций. Хотя официально он и возглавлял компанию «Фридмен», её делами в основном занимался Хорэс. Нейтан не был ни интеллектуалом, ни богословом. На бар-мицву он получил в подарок роскошное издание великих поэтов — Чосера, Вордсворта, Байрона, — но кожаный переплёт оставался нетронутым, пока эту книгу не вытащил из тёмного шкафа Леонард. По его словам, Нейтан предпочитал журнал «Ридерс Дайджест», но «у него была утончённая душа; он был джентльменом» [4]. Что касается веры, Нейтан был «консервативный иудей, не фанатик, не раб идеологии и догмы, и его жизнь целиком состояла из домашнего быта и жизни общины». Разговоров о религии в доме Нейтана не было, и думали о ней тоже немного. «О ней говорили не чаще, чем рыба говорит об окружающей её воде» [5]. Религия была просто традиция своего народа.

Отец Маши, раввин Соломон Клоницки-Клайн, был известным талмудистом и директором религиозной школы в литовском городе Ковно (теперь — Каунас), примерно в полусотне километров от родного города Лазаря. Кроме того, он был автором двух книг — «Лексикона омонимов еврейского языка» и «Тезауруса талмудических толкований», — которые заслужили ему прозвище Сар Ха-Дикдук, то есть «Король грамматиков». Когда из-за преследований евреев жить в Литве стало невозможно, он уехал в Соединённые Штаты, где ещё раньше поселилась и вышла замуж за американца одна из его дочерей. Маша отправилась в Канаду, где устроилась работать медсестрой.

Когда истекло её разрешение на работу, он обратился за помощью к своему американскому зятю и так узнал о переселенческом комитете Лайона Коэна. Соломон и Лайон стали друзьями, благодаря чему Маша и Нейтан познакомились и затем поженились.

В детстве Леонард знал дедушку Клайна в основном по рассказам, потому что тот большую часть времени проводил в США. Маша рассказывала, что люди приходили за сотни километров, чтобы послушать деда. Ещё она рассказывала о его славе превосходного наездника: это Леонарду особенно нравилось. Ему было приятно, что он родился в семье, состоявшей из таких важных людей, но он был совсем юн, и интеллект не мог тягаться с физической силой. Леонард собирался поступать в военную академию. Нейтан дал своё разрешение. Леонард хотел сражаться на войне и получать награды, как делал отец, пока не стал инвалидом, которому иногда бывало трудно подняться по лестнице и за которым ухаживала мама, когда он не мог ходить на работу и оставался дома. В детские годы Леонарда Нейтан часто болел. Но у мальчика были доказательства, что отец когда-то был военным. У Нейтана в прикроватном шкафчике со времён войны хранился пистолет. Однажды, когда дома никого не было, Леонард проскользнул в родительскую спальню, открыл шкафчик и достал револьвер. Он был большой, 38 калибра, на стволе гравировка: имя отца, его звание и номер полка. Мальчик сжал его в ладошке и вздрогнул, поразившись тому, какой он увесистый, ощущая кожей холодный металл.

В доме номер 599 по Бельмонт-авеню деловито, по заведённому порядку кипела жизнь: это и был центр вселенной юного Леонарда. Вокруг этого центра располагалось всё, что могло ему понадобиться или захотеться. Его дяди и кузены жили неподалёку. Чтобы попасть в синагогу, куда Леонард ходил с семьёй каждое субботнее утро, а также по воскресеньям — в воскресную школу — и ещё два дня в неделю — на уроки иврита, — надо было просто спуститься с холма. Так же можно было попасть в обе его обычные школы — начальную школу Розлин и Уэстмаунтскую среднюю школу. Прямо за окном спальни Леонарда находился Мюррей-Хилл-парк, где он резвился летом, а зимой, как и все остальные дети Нового Света, делал «снежных ангелов»: ложишься в нетронутый снег и машешь руками и ногами, оставляя следы крыльев и ангельского одеяния.

Еврейская община Уэстмаунта была очень сплочённой. Кроме того, евреи были меньшинством в этом районе англо-протестантов.

Которые, при всей своей влиятельности, тоже были меньшинством в Монреале — столице провинции Квебек, населённой главным образом франко-католиками. Которые, в свою очередь, были меньшинством в Канаде. Все чувствовали себя в каком-то смысле аутсайдерами, и все чувствовали свою принадлежность к чему-то важному. Это была «романтическая, конспиративная атмосфера», рассказывал Леонард, место «крови, почвы и судьбы». «В этой обстановке я вырос, — говорит он, — и в ней я чувствую себя очень естественно» [6].

Община, к которой принадлежал Леонард, располагалась на другом конце города от рабочих кварталов улицы Сен-Урбен, в которых селились евреи-иммигранты из Восточной Европы и происходит действие романов Мордехая Рихлера, и может показаться, что она была наглухо закрыта от внешнего мира, но это было, конечно, не так. Крест на холме Мон-Руаяль, привычка горничной Мэри то и дело креститься, празднование Пасхи и Рождества в школе — всё это было фоном жизни юного Леонарда, как и свечи, которые вечером в пятницу, перед Шаббатом, зажигал его отец, как и величественная синагога под холмом, где со стен на него пристально смотрели огромные портреты деда и прадеда в тяжёлых рамах, напоминая ему о том, в какой выдающейся семье он родился.

В своих воспоминаниях Леонард говорил об «интенсивной жизни семьи» [7]. Коэны часто собирались вместе: в синагоге, на работе и — раз в неделю — дома у его бабки по отцовской линии. «Каждую субботу, около четырёх часов, её преданная горничная Марта вкатывала в комнату сервировочный столик с чаем, маленькими сэндвичами, пирожными и бисквитами», вспоминает Дэвид Коэн, старший (на два года) кузен Леонарда, с которым тот был особенно дружен. «Тебя никогда не приглашали, и ты сам не спрашивал, можно ли прийти: ты просто знал, что в этот день она *принимает*. Звучит очень старомодно, но это было замечательно». Бабушкина квартира была в одном из великолепных домов на Шербрук-стрит рядом с Этвотер-авеню — там заканчивались все парады и шествия в Монреале. «Пока политическая ситуация в Монреале не стала напряжённой, — рассказывает Дэвид Коэн, — мы очень любили праздник Иоанна Крестителя* и любовались им из огромного красивого окна в её гостиной». Бабка была настоящей викторианской дамой, но «хотя это вызывает мыс-

* С 1977 года — национальный праздник Квебека. — *Прим. переводчика.*

ли о чём-то древнем и старомодном, она была в курсе всего нового». Она производила сильное впечатление на Леонарда, который позже опишет чаепития в её доме в своём первом романе *The Favourite Game* («Любимая игра»).

В той же книге Леонард изобразит старших мужчин в семье как серьёзных людей строгих правил. Но были среди них и нестандартные личности. Например, кузен Лаззи — Лазарь, старший брат Дэвида. По словам Леонарда, Лаззи был «светским человеком и был хорошо знаком с хористками, ночными клубами и артистами» [8]. На одно поколение назад был Эдгар, кузен Нейтана, — бизнесмен со склонностью к литературе. Много позже, в 1970 году, Эдгар Х. Коэн публикует книгу «Либертинка: портрет Нинон де Ланкло», биографию куртизанки, писательницы и музы XVII века, любовницы Вольтера и Мольера, которая сначала прожила некоторое время в монастыре, а потом организовала школу галантных манер для молодых французских дворян*. По словам Дэвида Коэна, Леонард и Эдгар были «очень близки».

Леонард жил в комфорте и безопасности в трудное и опасное время. За несколько дней до его пятого дня рождения Германия вторглась в Польшу и началась Вторая мировая война. По эту сторону Атлантического океана тоже не всё было спокойно: в 1942 году по бульвару Сент-Лоренс, который местные жители называли *главной улицей* и который отделял английскую часть Монреаля от французской, прошла антисемитская демонстрация, организованная группой франко-канадских националистов; некоторые из них поддерживали коллаборационистский режим Виши во Франции. Одна из самых смехотворных претензий этой организации к евреям заключалась в том, что те будто бы захватили бизнес пошива одежды с целью заставить юных франко-канадских скромниц носить «неприличные платья в нью-йоркских стилях» [9]. Демонстранты разбили витрины в нескольких магазинах и закусочных, принадлежавших евреям,

* Неточность автора: Вольтер не был любовником Нинон де Ланкло. Как справедливо пишет в своей увлекательной, но совершенно не скандальной книге Эдгар Коэн, они встретились в последний год её долгой жизни, он был сыном её душеприказчика — одиннадцатилетним мальчиком, подающим большие надежды; всегда равнодушная к науке и искусствам, она завещала ему большую сумму денег на книги, и он всегда вспоминал и писал о ней с восхищением. Кроме того, хотя Эдгар Коэн пишет о дружбе Нинон де Ланкло с Мольером, он не утверждает прямо, что они были любовниками. — *Прим. переводчика.*

и написали на стенах оскорбительные слова. Но семилетний мальчик из Уэстмаунта, который сидел у себя в комнате и читал комиксы про Супермена, жил в другом мире. «Европа, война, социальная война, — говорит Леонард, — всё это как будто никак не затрагивало нас» [10].

В беззаботные детские годы он делал всё, что от него требовалось — мыл руки, вёл себя прилично, переодевался к ужину, хорошо учился в школе, был принят в хоккейную команду, начищал ботинки и аккуратно ставил их на ночь под кроватью, — и не тревожил окружающих признаками святости или гениальности. Или меланхолии. У Нейтана была любительская кинокамера, и на снятых им плёнках можно видеть весёлого мальчика: вот он, счастливо улыбаясь, едет по улице на трёхколёсном велосипеде, вот они с сестрой идут, взявшись за руки, вот он играет со своей собакой, чёрным скотчтерьером по кличке Тинки. Сначала мать хотела назвать пса по-русски — Товарищ, но отец сказал, что не потерпит этого. Как он хорошо знал, Маша и так — из-за своего происхождения, акцента, ошибок в английском языке, бурного темперамента — была экстравагантной фигурой в маленькой англо-канадской еврейской общине. «Испытывать сильные чувства по какому-либо поводу и вообще привлекать к себе внимание считалось чем-то неподобающим», — рассказывал Леонард. «Нас учили соблюдать благопристойные манеры», — вспоминает кузен Дэвид.

Затем, в январе 1944 года, в возрасте пятидесяти двух лет умер отец. Леонарду было девять. Он опишет эти события приблизительно четырнадцать лет спустя в двух неопубликованных рассказах — «Церемонии» и «День рождения моей сестры» [11]: «Эту новость сообщила нам няня». Сев у кухонного стола и сложив на коленях руки, няня сказала Леонарду и Эстер, что сегодня они пропустят школу: ночью их отец скончался. Мать спит, так что пусть ведут себя потише. Похороны состоятся на следующий день. Леонард пишет: «Тогда меня озарило: “Но, няня, завтра это невозможно, у сестры же день рождения”».

На следующий день в девять утра в доме появились шестеро мужчин. Они вынесли гроб в гостиную и поставили его рядом с кожаным диваном. Маша велела горничной вымыть все зеркала в доме. К полудню стали приходить люди — члены семьи, друзья, работники фабрики; входя в дом, они отряхивали снег с ботинок и пальто. Гроб не был закрыт крышкой, и Леонард заглянул внутрь. Нейтан лежал в нём в серебристом талите, с белым лицом и чёрными усами. Леонарду подумалось, что у отца недовольный вид. Дядя Хорэс, который вместе

с Нейтаном управлял компанией «Фридмен» и прошёл с ним войну, прошептал Леонарду: «Мы должны быть как солдаты». Вечером Эстер спросила Леонарда, хватило ли ему духа взглянуть на покойника; оказалось, что они оба это сделали, и обоим показалось, что усы его были покрашены. Оба рассказа заканчиваются одними и теми же словами: «Не плачь, сказал я ей. Думаю, в тот момент я был на высоте. Ну пожалуйста, это же твой день рождения».

В романе «Любимая игра» Леонард описал эти события в третий раз. Этот рассказ получился более уравновешенным: во-первых, за время, прошедшее между теми отбракованными текстами и первым романом, его писательская манера стала гораздо более зрелой; во-вторых, в романе действующее лицо — вымышленный персонаж, что сообщило рассказу некоторую дистанцию (правда, Леонард подтвердил, что в действительности всё происходило именно так, как описано в книге) [12]. На сей раз история заканчивается так: мальчик берёт галстук-бабочку из спальни отца, делает надрез и прячет внутри клочок бумаги, на котором он предварительно что-то написал. На следующий день он устраивает собственную церемонию: хоронит галстук с бумажкой в ямке в саду, под снегом. Впоследствии Леонард скажет, что тогда он впервые что-то написал, но уже не помнит, что это было: он «много лет копался в саду, пытаясь найти её. Может быть, я всю жизнь только этим и занимаюсь: ищу ту бумажку» [13].

Это такая символичная картина — Леонард впервые делает из письма обряд, — что трудно не поддаться искушению понять слова из интервью 1980 года буквально, хотя, вероятно, это одна из множества ярких цитат, которыми Леонард неизменно снабжает журналистов. Детей часто влечёт к мистике, к тайным церемониям. Пусть Леонард и говорил, что в детстве не имел «никакого особенного интереса к религии», не считая того, что «пару раз сходил послушать хор» [14], он хорошо помнил, что он *коэн*, священнослужитель, потомок Аарона (брата пророка Моисея) по отцовской линии, человек, рождённый совершать обряды. «Когда мне рассказали, что я коэн, я поверил. Я не решил, что это какая-то необязательная информация, — рассказывал он. — Я хотел жить жизнью этого мира. Я хотел быть человеком, поднимающим Тору... Я был маленьким мальчиком, и всё, что говорилось об этих вещах, отзывалось во мне» [15].

И всё же ребёнком он не выказывал особенного интереса к синагоге, основанной его прадедом. В еврейской школе ему, по собственно-

му признанию, было «скучно», и это подтверждает Уилфрид Шукат, раввин Шаар Хашомаим с 1948 года. Учеником Леонард «был нормальным», рассказывает он, «но учение не было для него самым интересным. Важнее была его личность и то, как он всё интерпретировал. Он был очень творческим».

Когда умер отец, Леонард не плакал; он пролил больше слёз, когда несколько лет спустя умер пёс Тинки. «Я не испытал глубокого чувства утраты, — сказал он в интервью в 1991 году, — может быть, потому что всё моё детство он много болел. Его смерть казалась естественной. Он ослаб и умер. Может быть, у меня холодное сердце» [16].

Действительно, ещё начиная с лета Нейтан часто оказывался в Госпитале королевы Виктории. Даже если потеря отца и правда слабо подействовала на Леонарда, ему всё-таки было уже девять лет: такое событие не могло пройти бесследно. Что-то в глубине души должно было случиться — может быть, первое осознание скоротечности жизни или какая-то печальная умудрённость, трещина, сквозь которую проникли неуверенность или чувство одиночества. Леонард говорил и писал о том, что в этот важный момент жизни он ярче всего ощутил смену своего положения. Когда отец лежал в гробу в гостиной, дядя Нейтан отвёл его в сторонку и сказал, что теперь он, Леонард, — мужчина в доме и отвечает за женщин — за мать и четырнадцатилетнюю сестру Эстер. «Я ощутил гордость, — писал Леонард в «Церемониях». — Я чувствовал себя принцем какой-то любимой народом династии. Я был старшим сыном старшего сына» [17].